
А. И. КОГАН

**«БЕЛЫЕ ПЯТНА»
ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КАШМИРЕ**

Этническая история Кашмира все еще остается практически неизученной. Кашмир и прилегающие к нему районы Западных Гималаев и Восточного Гиндукуша относятся к числу наиболее сложных в этническом отношении областей Азии. Весьма вероятно, что во многом по этой причине острейшие этнические (и не отделимые от них политические) проблемы региона до сих пор не нашли своего разрешения. Более того, по нашему глубокому убеждению, само появление этих проблем явилось следствием незнания реальной этнокультурной ситуации. Именно в силу этого незнания управлявшие Кашмиром политики, сначала британские, а затем индийские, нередко проводили неверную и непродуманную политику, ставшую одновременно причиной проблем и основным препятствием для их разрешения.

По распространенному мнению, кашмирская проблема возникла после раздела Британской Индии в 1947 г. и последовавшего за ним решения индусского правителя княжества Джамму и Кашмир о присоединении к Индии. Однако корни конфликта лежат гораздо глубже, чем думают многие. Их следует искать в политике, проводившейся в регионе Великобританией в XIX в., когда Кашмир (область с почти полностью мусульманским населением) был продан индусскому махарадже соседнего горного княжества Джамму, в результате чего появилось новое политическое образование – княжество Джамму и Кашмир. Возможно, британцы вполне искренне полагали, что подобные действия повышают их популярность среди кашмирцев, ведь последние считались потомками некогда насильно обращенных в ислам индусов и, как ожидалось, должны были увидеть в колониальных властях восстановителей исторической справедливости.

Результаты такой политики оказались противоположны ожидаемым. Княжество Джамму и Кашмир уже в колониальный период превратилось в зону нестабильности. Вплоть до 1947 г. оно пре-

бывало в состоянии скрытого этнического и религиозного конфликта. Иногда конфликт принимал явные формы. Так, в 1931–1932 гг. Кашмир был охвачен народным восстанием, подавить которое колониальные власти смогли только с помощью авиации. История свидетельствует о провале британской политики в Кашмире. Но какая политика могла бы быть успешной? Ответ на этот вопрос до сих пор не найден, и Кашмир продолжает оставаться «горячей точкой» планеты. Между тем поиск решения является жизненно важным, поскольку кашмирский конфликт, давно ставший международным, может перерасти в войну с последствиями, возможно, фатальными для всей планеты.

Представляется бесспорным, что никакое решение не может быть найдено без глубокого знания этнической и культурной ситуации в Кашмире. Иными словами, нужно ответить на вопрос: что представляют собой кашмирцы этнически и суперэтнически? Власти, как британские, так и индийские, рассматривали и продолжают рассматривать кашмирцев как народ, принадлежащий к индийской цивилизации. Но неудачи английской и индийской политики заставляют усомниться в верности этой точки зрения. До недавнего времени в нашем распоряжении не было разработанной методологии для исследования подобных проблем, однако сейчас такую методологию может предложить социоестественная история (СЕИ).

* * *

В истории Кашмира обращает на себя внимание ряд интересных фактов. Наиболее известный из них – резкие и глубокие изменения в культуре, имевшие место в средние века. Ярче всего они проявились, пожалуй, в сфере религии. Распространение ислама было характерно для всей средневековой Северной Индии, однако нигде этот процесс не зашел так далеко, как в Кашмире. В XX в. около 95 % его жителей составляли мусульмане, причем процесс исламизации, по-видимому, в основном завершился уже в позднем средневековье. (В течение последних двух веков сколько-нибудь заметного повышения доли мусульманского населения не отмечено.) Этот факт кажется еще более удивительным, если учесть, что распространение ислама в Кашмире началось сравнительно поздно.

Точная датировка начала распространения ислама будет возможной лишь после тщательного исследования истории Кашмира в конце XII и XIII вв. Этот период, весьма фрагментарно освещен-

ный в летописях, все еще остается почти неисследованным. Есть упоминание о наличии в Кашмире мусульман в книге Марко Поло: «Здесь люди животных не убивают и крови не проливают; а когда захотят поест мяса, так нужно, чтобы *сарацины, живущие там же*, набили животных» (Марко Поло 269). Более ранняя эпоха детально описана поэтом и летописцем XII века Кальханой в придворной хронике «Раджатарангини». Предполагать массовую исламизацию для этого времени нет оснований.

Первая известная из исторических источников мусульманская династия Кашмира пришла к власти в XIV в. Это означает, что исламизация здесь была наиболее поздней по сравнению с другими областями Северо-Западной Индии. Соседний Пенджаб управляется мусульманскими династиями с начала XI века, а Синд завоеван арабами еще в начале VIII в. Однако ни в Пенджабе, ни в Синде ислам не распространился так широко, как в Кашмире, – в начале 40-х гг. XX в. (непосредственно перед разделом Британской Индии) мусульмане составляли около 57 % населения Пенджаба, а в Синде их доля едва превышала 70 %. (Подсчитано по: Census... 1941.)

Перемена веры сопровождалась изменениями во многих других сферах культуры. Едва ли где-либо в Южной Азии эти изменения были более радикальными, чем в Кашмире. Затронутой ими оказалась не только духовная культура, например фольклор, где распространились сюжеты, заимствованные из Ирана и Средней Азии, но и культура материальная, например одежда. Историки уже отмечали факт смены покроя одежды в Кашмире с приходом ислама (см., например: Vamzai 1973: 511). Для культурных изменений в Кашмире была характерна массовость: они затронули абсолютно все слои населения. Результаты этих процессов налицо и в наши дни. Редкий иностранец, посещающий Кашмирскую долину, не может отделаться от впечатления пребывания на Среднем Востоке или в Центральной Азии и бывает поражен разительными культурными отличиями местных жителей от остальных индийцев.

Механизм и причины культурно-исторических процессов, протекавших в средневековом Кашмире, все еще остаются невыясненными. Неоднократно делались попытки объяснить эти процессы действием ряда факторов, общих для всей средневековой Северной Индии. Среди них обычно называли политическую нестабильность в поздний домусульманский период, привлекательность ислама с его эгалитаристскими установками для индусов низших каст и не-

прикасаемых, активную миссионерскую деятельность мусульманских проповедников-суфиев, а также политику правящих кругов, всячески поощрявших переход в новую религию, а иногда и насаждавших ее насильственным путем (Bamzai 1973).

Все эти объяснения, однако, не кажутся убедительными: они оставляют неясными причины глубокого своеобразия религиозной и культурной ситуации в Кашмире. Действительно, нельзя не задать вопросом: почему действие перечисленных факторов, характерных для большей части Южной Азии, имело в Кашмире последствия совершенно иные, нежели в остальных районах субконтинента?

«Стойкость» индийской культурной традиции, ее способность успешно противостоять мусульманскому влиянию неоднократно отмечались исследователями-индологами. Так, А. Е. Снесарев писал: «...в деле защиты самого себя и самосохранения на всей территории Индии индуизм оказался очень сильным: он поборол в свое время буддизм и вытеснил его за снежную линию Гималаев, блестяще справился с исламом и без труда выдерживает натиск христианства...» (Снесарев 1981: 68). То же отмечают и другие исследователи: «По ряду причин в Индии не произошла сплошная исламизация, как это было ранее в некоторых странах Среднего и Ближнего Востока. ...немалую роль в том сыграла большая устойчивость традиционных религиозно-философских и этических представлений индуизма, сохранявшихся даже у принявших мусульманство индусов» (История Индии... 1968: 371).

Не случайно Северная Индия является если не единственным, то одним из очень немногих регионов мира, где, несмотря на многовековое политическое доминирование мусульман, ислам так и не стал господствующей религией. Совершенно иное развитие событий в Кашмире, безусловно, требует объяснения, причем объяснения особого, отличного от тех, что приводились для остальной Индии. Кроме того, необходимо отметить, что в рамках традиционной точки зрения необъясненными остаются указанные выше изменения вне религиозной сферы.

Неисследованность начального периода распространения ислама в Кашмире осознается рядом современных ученых. Они указывают и на его недостаточное отражение в средневековых исторических документах, а также на необходимость изучения социально-экономических и общественно-политических причин исламизации

(см., например: Pandit n. d.). На наш взгляд, первым шагом в исследовании данной проблемы должен стать поиск в других областях Южной Азии хотя бы частичных аналогов рассмотренным выше историко-культурным процессам. Единственным регионом, где религиозная ситуация в Новейшее время во многом аналогична кашмирской, является крайний северо-запад бывшей Британской Индии – Белуджистан и Северо-Западная Пограничная провинция. В этих районах, ныне занимающих западную часть Пакистана, доля мусульман в середине XX в. превышала 90 %¹. Однако там религиозные изменения были сопряжены с этническими и языковыми. В Северо-Западной Пограничной провинции (ее равнинная часть в древности входила в североиндийскую область Гандхара) в XIV–XV вв. имело место интенсивное вытеснение и ассимиляция местного индоарийского населения продвигавшимися с юга пуштунскими племенами².

Сходные процессы, по-видимому, протекали и в провинции Белуджистан. Племена белуджей мигрировали на ее территорию в средние века из Ирана, ассимилировав значительную часть местных жителей. Добелуджское население в этническом и языковом отношении было весьма пестрым. На западе Белуджистана (в исторической области Макран) оно было, вероятнее всего, ираноязычным, хотя и не идентичным белуджам. На севере (в Сулеймановых горах), как уже говорилось, проживали пуштуны. Центральный Белуджистан населяла (и отчасти населяет до сих пор) дравидийская народность брагуи. В восточных же районах говорили, по всей видимости, на индоарийском языке синдхи, свидетельством чего является чрезвычайно сильное влияние последнего на восточнобелуджские диалекты. Таким образом, для Восточного Белуджистана в средние века есть основания предполагать этнические процессы, аналогичные таковым в Северо-Западной Пограничной провинции.

¹ Более поздние данные не представляются нам показательными. Как известно, после раздела Британской Индии имели место быстрые и радикальные изменения в религиозном составе населения, вызванные массовой миграцией мусульман в Пакистан и почти поголовным переселением индусов и сикхов в Индию. Религиозная ситуация, сложившаяся к настоящему времени, таким образом, отражает недавние демографические процессы, а отнюдь не культурно-исторические изменения, протекавшие в регионе веками.

² До XIII–XIV вв. пуштуны проживали в основном в районе Сулеймановых гор – горной области на севере нынешнего пакистанского Белуджистана. В XIV–XVIII вв. происходило активное расселение пуштунских племен на обширной территории в пределах современных Афганистана и Пакистана.

Явное сходство современной культурной и религиозной ситуации в Белуджистане и Северо-Западной Пограничной провинции, с одной стороны, и в Кашмире – с другой, позволяет поставить вопрос о возможной близости факторов, под действием которых эти ситуации сложились. Этническая история Кашмира, как мусульманского, так и домусульманского, изучена чрезвычайно слабо. Отчасти это объясняется спецификой исторических документов (прежде всего, это придворные хроники). Однако даже немногочисленные косвенные свидетельства, содержащиеся в них, позволяют предположить, что уже в раннем средневековье этнический состав населения Кашмирской долины отличался сложностью, причиной чему были, в частности, и этнические миграции. Выдвигалась, например, гипотеза о наличии в Кашмире X–XII вв. тибето-бирманского этнического элемента, появление которого вызвано иммиграцией с востока (Селиванова 1985). Как будет показано ниже, ряд фактов косвенно указывает на наличие во многом аналогичных процессов и в более позднее время. Иными словами, мы видим достаточные основания предположить, что описанные выше радикальные культурные изменения в Кашмире явились следствием не только и не столько собственно культурно-исторических процессов, сколько процессов этнических и демографических, а именно: полной (или, точнее, почти полной) смены этнического состава населения Кашмирской долины в средние века. Проверка гипотезы представляется нам темой будущих исследований, однако отдельные факты, подкрепляющие ее, имеются в нашем распоряжении уже сейчас. Факты эти находятся в ведении разных наук, что до сих пор препятствовало их рассмотрению в совокупности и тем самым, к сожалению, затрудняло изучение этнической истории Кашмира. В оставшейся части работы мы попытаемся продемонстрировать, что целый ряд явлений, между которыми вплоть до самого последнего времени исследователи не обнаруживали никакой связи, в действительности могут иметь одну общую причину, а именно предполагаемые нами этнические процессы.

Средние века были для Кашмира эпохой больших перемен не только в культуре, но и во взаимоотношениях человека и природы. Последние века домусульманской истории Кашмира, детально отраженные в санскритоязычной хронике «Раджатарангини», характеризовались почти непрекращающейся чередой кровавых междоусобных войн. Представляется вполне очевидным, что едва ли не

главной глубинной причиной этих войн является характерный для страны острый дефицит земельных ресурсов, уже отмечавшийся исследователями (Селиванова 1983; 1985). Междоусобицы были своеобразными демографическими регуляторами. Они снижали демографическое давление на землю в те периоды, когда численность населения превышала определенный порог. В Кашмирской долине, представляющей собой котловину, зажатую между Малыми и Большими Гималаями, земельный голод во все времена был серьезной проблемой, а междоусобицы являлись хотя и жестоким, но эффективным ее решением. Ситуация, однако, заметно меняется в мусульманский период. Внутренние войны в эту эпоху становятся более редкими, они перестают быть наиболее характерной чертой истории страны, хотя отдельные периоды политической нестабильности все же отмечаются. По-видимому, кашмирцы нашли какой-то иной путь преодоления демографических кризисов.

Данный факт едва ли можно объяснить только сменой религии. Убийство единоверца, действительно, считается тяжким грехом для мусульманина, однако, несмотря на это, гражданские войны были отнюдь не редки в мусульманском мире. Не может ли изменение в методах решения экологических проблем быть связанным со сменой не только веры, но и этнического состава населения? Исследования в области социоестественной истории показали, что взаимоотношение этноса и вмещающего ландшафта находится в неразрывной связи с этническим коллективным бессознательным (ментальностью) (см.: Кульпин 1996; 1999). Поэтому может показаться логичным предположение о быстром и кардинальном изменении ментальности кашмирцев в средние века. Однако, согласно СЕИ, ментальность этноса (и суперэтноса) отличается чрезвычайным консерватизмом и ее полная смена практически невероятна. Гораздо более правдоподобной представляется нам другая гипотеза: осевший в Кашмире этнос-мигрант мог принести с собой не только новую религию (ислам), но и собственный оригинальный опыт взаимодействия с окружающей средой.

Косвенные данные, свидетельствующие в пользу смены этнического состава населения в средневековом Кашмире, предоставляет нам и лингвистика (см.: Грюнберг, Эдельман 1999; Edelman 1983; Grierson 1919; Morgenstierne 1926; Коган 2005). Кашмирский язык (кашмири) относится к дардской ветви арийской (индоиранской) группы индоевропейской языковой семьи. Его ближайшими

родственниками являются языки, распространенные в горных районах к северу и северо-западу от Кашмира. При этом, однако, в его словаре обнаруживается множество заимствований из некоего языка индоарийской группы, близкого к языкам Северного Пенджаба и Западных Гималаев, примыкающих к Кашмиру с юга и юго-востока. Этот факт, уже давно отмеченный исследователями, представляется, тем не менее, труднообъяснимым. Ни один индоарийский язык в настоящее время не распространен в Кашмирской долине. Малый Гималайский хребет, ограничивающий эту долину с юга, чаще всего являлся не только физико-географическим, но и политическим рубежом. Трансграничные контакты Кашмира с южными соседями хотя и существовали веками, но все же были достаточно ограниченными. Во всяком случае, их наличие, бесспорно, не может служить удовлетворительным объяснением наличия в языке кашмири огромного пласта индоарийских заимствований, некоторые из которых обнаруживаются даже в базисной лексике: индоарийские языки Северного Пенджаба и Западных Гималаев бесписьменны и всегда являлись исключительно языками устного бытового общения. Это не позволяет объяснить приток значительного числа индийских элементов в кашмири большой престижностью языков – источников заимствований.

Единственным непротиворечивым объяснением нам представляется предположение о том, что в самом Кашмире некогда говорили на одном из индоарийских языков, вытесненном впоследствии дардским языком, занесенным переселенцами.

Говоря об индоарийских заимствованиях в кашмири, нельзя не обратить внимания на один небезынтересный факт. Индоарийской по происхождению является значительная часть хозяйственной терминологии, в частности некоторые основные рисоводческие термины. Так, обозначения несобранного, растущего в поле риса (dāni) и вареного риса (bat□) обнаруживают многочисленные этимологические параллели в индийских языках при почти полном отсутствии каких-либо связей в дардских. Известно, что рисоводство всегда было ключевой отраслью сельского хозяйства Кашмира.

В Кашмирской долине возделывают 412 сортов риса, 277 из которых – отечественные. Исследователи указывают на древность культуры риса в долине. Второе из приведенных здесь слов (bat□) име-

ет соответствия в нескольких языках дардской группы. Однако известно, что все эти языки, подобно кашмири, подвергались довольно сильному индоарийскому влиянию. Рисоводство в районах их распространения не практикуется, что позволяет с очень большой долей вероятности предположить заимствование названий риса из индийского источника (Пуляркин 1956; 1967). Все это делает крайне маловероятным заимствование обозначений риса аборигенным населением, каковым часто считают современных кашмирцев.

Языковые данные весьма интересным образом соотносятся с историческими. По мнению историков, первая мусульманская династия Кашмира, правившая в XIV – начале XVI вв., была основана выходцем из области Сват. Эта область, располагающаяся в северной горной части нынешней Северо-Западной Пограничной провинции Пакистана, населена в наши дни в основном пуштунами. Однако вплоть до XVI в. ее население говорило на языках дардской группы (вероятнее всего, на нескольких из них). Именно один из этих языков был, по всей видимости, родным для первого кашмирского султана. Жители наиболее труднодоступных районов Свата (по верхнему течению одноименной реки) дардоязычны и в настоящее время. Их языки обнаруживают особую близость с языком кашмири. Степень этой близости еще предстоит установить. Это станет возможным лишь тогда, когда по языкам Горного Свата и сопредельных областей будет доступен достаточный по объему материал. Для этого, в свою очередь, необходимо проведение в регионе длительных и интенсивных полевых исследований.

Гипотеза о смене этнического состава населения Кашмира проливает свет на некоторые не нашедшие пока удовлетворительного объяснения факты физической антропологии. Известно, что расовый тип современных кашмирцев заметно отличается от такового у жителей древнего Кашмира. Уже делались попытки объяснить этот факт массовым притоком в Кашмирскую долину иммигрантов в средние века (Пуляркин 1956). Иногда предполагается иммиграция из Средней Азии, Ирана и нынешнего Афганистана (Гусева 1988), что представляется нам маловероятным. Разумеется, в условиях чрезвычайно интенсивных торговых и культурных контактов этих регионов с мусульманским Кашмиром определенные переселения были возможны, однако они вряд ли могли принять массовый характер: значительная географическая удаленность долины и ее труднодоступность являлись серьезной помехой для массовых ми-

граций. Гораздо более вероятна иммиграция из соседних с Кашмиром горных областей на севере.

Примечательно, что присущий большинству кашмирцев расовый тип (высокий рост, крепкое телосложение, светлая кожа, иногда серые глаза), столь необычный для Южной Азии, встречается практически по всему Памиро-Гиндукушскому региону, включая и долину Свата. Антропологические различия среди самих кашмирцев также находят приемлемое объяснение в рамках предложенной нами гипотезы. Жители Кашмира, исповедующие индуизм, образуют небольшую общину, составляющую не более 5 % населения долины, и называются «кашмирскими пандитами». Они отличаются от кашмирцев-мусульман более низким ростом и более смуглым цветом кожи и могут являться прямыми потомками домусульманского населения Кашмирской долины, сохранившего религию предков в эпоху мусульманского господства и в силу этого избежавшего ассимиляции с пришельцами-дардами, хотя и воспринявшего язык последних. Не случайно «кашмирские пандиты» обнаруживают определенное расовое сходство с индоарийским населением Западных Гималаев, проживающим к юго-востоку от Кашмира. Следует, впрочем, отметить, что все высказанные здесь положения предварительны и нуждаются в тщательной проверке, поскольку антропологический тип, характерный для «кашмирских пандитов», обнаруживается и у мусульман, хотя не является преобладающим.

Массовой иммиграции с севера, по-видимому, способствовала ситуация внутри Кашмира накануне прихода ислама. Длительные непрекращающиеся гражданские войны должны были привести не только к военному ослаблению страны, но и к сокращению численности населения. Следует иметь в виду, что демографические последствия междоусобиц не могли быть одинаковыми для разных районов Кашмира. Известно, что для Кашмирской долины характерна неравномерность заселения. Наиболее плотно населена пойма реки Джелам. Это традиционный район заливного рисоводства. Экономически он наиболее развит, однако по площади невелик. На обширных плато, окружающих пойму (в географической литературе для них принято название *карева*), а также на склонах Малых и Больших Гималаев плотность населения заметно снижается. Рисоводство на *карева* не практикуется. Основной сельскохозяйственной культурой в настоящее время является кукуруза. (Подробнее о

хозяйственных различиях и особенностях размещения населения Кашмирской долины см.: Пуляркин 1956; 1967.)

Поскольку и в домусульманском Кашмире наиболее развитыми и, по-видимому, наиболее населенными были именно рисоводческие области, следует признать, что наиболее ощутимым сокращение числа жителей было, вероятнее всего, в горах и на карева. Результатом междоусобных войн для этих редконаселенных районов должно было стать почти полное запустение, а некоторые их части могли попросту обезлюдеть.

Опустошенная страна не могла не стать «лакомым куском» для северных соседей. В узких горных долинах Восточного Гиндукуша и Каракорума, расположенных к северу и северо-востоку от Кашмира, остройшей проблемой периодически становилось перенаселение и земельный голод. Следствием этого еще в XIX в. были частые распри из-за земли между соседними общинами, а кое-где и такие явления, как разбой и работорговля (Пуляркин 1956). Аналогичной была и ситуация в долине реки Сват. Здесь дефицит земли нередко вынуждал земледельцев распахивать даже родовые кладбища, что по представлениям мусульман было кощунством (Ромодин 1959). На сегодняшний день остается неясным, был ли демографический и земельный кризис характерен для пригиндукушских районов в интересующую нас эпоху (XIII–XIV вв.). Выяснить это, как нам представляется, должны помочь будущие исследования в области социоестественной истории. Однако последствия гипотетической кризисной ситуации можно попытаться обрисовать уже сейчас. Для жителей тесных, перенаселенных ущелий Гиндукуша обширная и редконаселенная Кашмирская долина должна была стать не менее привлекательной, чем, например, для русских крестьян XVI в. земли новоприсоединенного Казанского ханства (см.: Кульпин 1998). Эмиграция из Пригиндукушья в Кашмир в подобной ситуации могла принять форму массового бегства, результатом чего не могли не стать весьма существенные и вместе с тем быстрые изменения в этническом составе населения Кашмирской долины.

Следует отметить, что в раннем мусульманском Кашмире имел место ряд политических событий, создавших благоприятные условия для предполагаемых нами демографических процессов. Известно, что, начиная со второй половины XIV в. (со времени завое-

ваний кашмирского султана Шихаб-уд-Дина), значительная часть Восточного Гиндукуша входила в состав Кашмира (Baharistan-i-Shahi n. d.). Точными сведениями о более раннем периоде мы не располагаем, однако обращают на себя внимание упоминавшиеся выше связи Кашмира со Сватом. Интересно также, что, по сведениям кашмирского хрониста начала XVII в., автора «Бахаристан-и-шахи», именно в мусульманском Свате (в хронике эта область называется Свадгир) последний индусский правитель Кашмира Удьянадева скрывался от вторгшихся в страну монголов (Ibid.).

В заключение необходимо еще раз отметить, что основной целью данной статьи является постановка, а не разрешение вопросов. Из всего сказанного нами выше следует парадоксальный на первый взгляд вывод. Хотя интересующая нас проблема смены культуры в средневековом Кашмире рассматривается многими как культурно-историческая, культурная история, так же, как, впрочем, и история социальная, сама по себе не может (или, во всяком случае, до сих пор не смогла) предложить для нее удовлетворительного решения. Поиск такого решения возможен только при тесном сотрудничестве специалистов, представляющих разные науки. Помимо политической истории (как можно более точная реконструкция политических событий в Кашмире XIII–XIV вв. представляется нам чрезвычайно желательной) весьма важное место среди этих наук, как было показано, занимают физическая антропология и сравнительно-историческое языкознание. Многие сможет прояснить, несомненно, и привлечение данных археологии. Однако решающее слово должна, на наш взгляд, сказать социоестественная история. На сегодняшний день мы видим три важнейших направления социоестественных исследований Кашмира (а также ряда сопредельных областей), результаты которых могут оказаться определяющими при разрешении поставленной нами проблемы:

1) изучение демографических процессов в Кашмире позднего доисламского периода и степени воздействия на эти процессы политических (междоусобные войны) и природных факторов;

2) исследование климатических изменений в Памиро-Гиндукушском регионе в XII–XIV вв. и влияния этих изменений на хозяйство и демографию;

3) изучение в сравнительном аспекте взаимодействия человека и природы в домусульманском и мусульманском Кашмире.

Однако даже если высказанная нами гипотеза найдет подтверждение, это отнюдь не будет означать решение всех основных проблем социоестественной истории Кашмира. В начале работы мы указали, что самым сложным и одновременно самым актуальным в настоящее время вопросом является вопрос о суперэтнической принадлежности кашмирцев. Установленный факт смены этнического состава населения Кашмирской долины сам по себе на этот вопрос не ответит. Скорее, он сделает возможным более точную постановку проблемы. В числе основных задач в этом случае окажется изучение СЕИ Памиро-Гиндукушского этнокультурного региона, с которым, как мы предполагаем, связаны предки современных кашмирцев. Исследования в этой области являются, на наш взгляд, необходимым условием для выявления системы базовых ценностей современного кашмирского народа, то есть для разрешения основного вопроса, поставленного в настоящей работе.

Литература

Гусева, Н. Р. 1988. Кашмирцы. *Народы мира. Историко-этнографический справочник* (с. 208). М.: Советская энциклопедия.

Грюнберг, А. Л., Эдельман, Д. И. 1999. Дардские и нуристанские языки. *Языки мира*. М.: Индрик.

История Индии в средние века. М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1968.

Книга Марко Поло. М.: Географгиз, 1955.

Коган, А. И. 2005. *Дардские языки: генетическая характеристика*. М.: Вост. лит-ра.

Кульпин, Э. С.

1996. *Бифуркация Запад – Восток*. М.: Московский лицей.

1998. *Золотая Орда*. М.: Московский лицей.

1999. *Восток (Человек и природа на Дальнем Востоке)*. М.: Московский лицей.

Пуляркин, В. А.

1956. *Кашмир*. М.: Географгиз.

1967. Природные условия и сельское хозяйство Кашмирской долины. *Страны и народы Востока*. Вып. V. *Индия – страна и народ* (с. 195–209). М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры.

Ромодин, В. А. 1959. Дир и Сват. *Страны и народы Востока*. Вып. I. *География, этнография, история* (с. 110–130). М.: Изд-во вост. лит-ры.

Селиванова, Т. П.

1983. Землевладения храмов и брахманов в Кашмире по данным «Раджатарангини» Калханы (XII в.). *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. XVII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения); январь 1982 г., ч. 1 (с. 91–95). М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры.

1985. Социально-экономический строй средневекового Кашмира (по данным «Раджатарангини»). Автореф. канд. дис. Л.

Снесарев, А. Е. 1981. *Этнографическая Индия*. М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры.

Bamzai, P. N. K. 1973. *A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day*. New Delhi, Metropolitan Book Co. (Pvt.).

Census of India. 1941. Vol. 1. India. P. 1. Tables by M.W.M.Yeats. Delhi, 1943.

Edelman, D. I. 1983. *The Dardic and Nuristani languages*. М.: Наука.

Grierson, G. A. 1919. *Linguistic Survey of India*. Vol. VIII (2). *Specimens of the Dardic or Pis5a2ca Languages (including Ka2shmI2rI2)*. Calcutta.

Morgenstierne, G. 1926. *Report on a Linguistic Mission to Afghanistan*. Oslo: Aschenoug & Co.

Материалы Интернета:

Baharistan-i-Shahi n. d. A Chronicle of Mediaeval Kashmir translated by K. N. Pandit. <http://www.kashmir-information.com/Baharistan/>

Pandit, K. N. n. d. Introduction // Baharistan-i-Shahi. A Chronicle of Mediaeval Kashmir translated by K. N. Pandit. <http://www.kashmir-information.com/Baharistan/introduction.html>